

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЮЖНОБУРЯТСКИХ ГОВОРОВ С МЕСТНЫМИ РУССКИМИ ГОВОРАМИ

О прогрессивном воздействии русского языка на бурятский написан ряд работ монголоведов Т. А. Бертагаева, Д. А. Алексеева, Ц. Б. Цыдендамбаева, У.-Ж. Ш. Дондукова и других¹.

Исследуя русские говоры Сибири, А. М. Селищев затрагивал некоторые вопросы взаимодействия сибирских русских говоров с языками аборигенов края². Этой же теме была посвящена статья В. Д. Кудрявцева «О взаимовлиянии русского и национального языков народов Сибири»³.

В нашей работе ставится задача — на материале южнобурятских и местных русских говоров показать их взаимодействие в области фонетики и лексики⁴. При этом главное внимание мы обращаем на освещение вопросов о влиянии говоров южных бурят на язык местного русского населения, так как ввиду недостаточной изученности русских говоров Бурятии эти вопросы до сих пор оставались по существу незатронутыми.

На обширной территории нынешних Кяхтинского и Джидинского аймаков, а также на некоторой части Селенгинского и Бичурского аймаков БурАССР рука об руку с русским населением издавна живут южные селенгинцы — цонголы и сартулы, переселившиеся в Забайкалье из Халхи во второй половине XVII века⁵. Примерно к этому же времени относится начало появления в Забайкалье русских землепроходцев⁶. Со второй половины XVIII века на территории нынешней Бурятии живут забайкальские старообрядцы (семейские). С тех пор между русскими и бурятскими трудовыми людьми установились тесные экономические, культурные и иные взаимоотношения, приведшие к

возникновению и развитию процессов взаимодействия русского и бурятского языков. Так, на территории Кяхтинского, Селенгинского, Джидинского и Закаменского аймаков говоры старожильческого русского населения оказывают воздействие на южноселенгинские (цонгольский и сартульский) говоры; с другой стороны, цонгольский и сартульский говоры оказывают влияние на местные русские говоры.

Влияние южнобурятских говоров на местные русские говоры

Живя долгое время в тесном контакте с монголыязычными народами, в частности, с бурятским, носители русских говоров Бурятии заимствовали немало монголизмов. Южнобурятские элементы наблюдаются как в фонетике, так и в лексике русских говоров.

Заимствования в звуковом составе. Вместе с лексическими единицами местные русские говоры заимствовали некоторые звуки, характерные для цонгольского и сартульского говоров и не свойственные фонетической системе русского языка, например, увулярные щелевые ζ , ξ , аффрикаты дж, дз, огубленный ударный θ (< бурятский долгий $\theta\theta$), а также заднерядный огубленный ударный α (< бурятский долгий $\alpha\alpha$)⁷.

Увулярный щелевой ζ встречается в твердорядных словах: *даган* (Цакир, Хамней, Михайловка Закам.; Большая Кудара, Калининна Кяхт.; Билютай, Арсентьево Селенг.) < юж.-бур. *даага* — жеребенок по второму году, лончак; *бузан* (Харацай Закам.; Ланшиново, Баян, Боций, Цаган-Усун, Зарубино Джид.; Шарагол, Большая Кудара, Усть-Кяхта, Калининна Кяхт.; Поворот, Новоселенгинск, Билютай Селенг.) < юж.-бур. *бузаа* — браслет. Иногда увулярный щелевой ζ употребляется даже в начале слова вместо общебурятского увулярного смычного г: русск. *зай* (Хутор Кяхт.) < бур. *гаэ* — несчастье, беда, русск. *зунан* (Цакир Закам.) < бур. *гунан* — трехлетний бычок. Но в мягкорядных словах не встречается заднерядный щелевой звук ζ , свойственный южнобурятским говорам: *цэргэнь* < юж.-бур. *цэрзэ* — валух, *шиыгэн* < юж.-бур. *шизэ* — козленок. В этой связи отметим, что щелевой оттенок фонемы [б], употребляющийся в южнобурятском наречии в интервокальном и некоторых других позициях⁸, при заимствовании русскими говорами всегда произносится как смычный б (ср. юж.-бур. *бавана* > русск. *бабанá* — козел-производитель).

Под влиянием южнобурятских говоров в речи местного рус-

ского населения обследованных аймаков вместо общерусского заднеязычного х в твердорядных заимствованных из бурятского языка словах произносится увулярный ɣ: *халагай* < юж.-бур. *халагаэ* — крапива; *хашырик* < юж.-бур. *хашараг* — двухгодовалый теленок, бычок, *хулзун* (Шарагол Кяхт.) — мышь полевка (без хвоста) < юж.-бур. *хулзанаа* — мышь (общее название).

Под воздействием южноселенгинских (цонгольского и сартульского) говоров в местных русских говорах южных аймаков республики вместо общерусских шелевых ж, з используются аффрикаты дж, дз: *джирикын*, реже *джирыкин* < юж.-бур. *джирхэ* — бурундук; *джирахай* < юж.-бур. *джараахаэ* — мальки у рыб; *саральджэ* — полынь венечная < юж.-бур. *шаральджаа* — полынь вообще (общее название); *дзумбура* ~ *дзумбуран* < юж.-бур. *дзумбураа* ~ *дзумбараа* — суслик, *халдзиний* < юж.-бур. *халдзан* — белолобый (о лошади).

В селах Цакир и Хамней Закаменского аймака нами зафиксирован звук ø в слове *угульджөн* в значении «покос на заимках»: «Угульджөн разрабатывали, корення выкапывали, чистили, называли; там сена касили»⁹.

В вокализме русских говоров указанных аймаков sporadически встречается заднерядный огубленный ударный гласный и (знак латинского алфавита), отсутствующий в русском языке и характерный для монгольских языков¹⁰. Например, в деревне Нижний Убукун Селенгинского аймака зафиксировано нами слово *vulgan* < бур. *буулга* — ярмо у быка, *хатхи* (в обозначении знаками латинского алфавита) < бур. *хамхуул* — перекапывание поля. Заимствование из бурятского *хамхул* в указанном значении встречалось во всех русских селах обследуемых аймаков (за исключением семейской деревни Ягодное Селенгинского аймака, где это растение называется колючка).

Заимствования в лексике русских говоров. Сравнительно большое место занимают южнобурятские заимствования в лексике животноводства: *хируган* — ягненок, *хуцан* — баран-производитель, *йиман* — коза, *сэркэн* — кастрированный козел, *бурун* — годовалый теленок. Из южнобурятских говоров заимствованы некоторые названия предметов домашнего обихода: *курунгун* ~ *сабан* — маслобойная кадушка, *булюр* — мутовка для сбивания масла, термины фауны, флоры и т. д.

Отдельные южнобурятские слова заимствованы местными русскими говорами с некоторыми отклонениями в семантике, например, для обозначения более частных понятий: кяхт.-русск. *саральджэ* — полынь венечная < юж.-бур. *шаральджаа* — по-

лынть вообще; кяхт.-русск. *хулгунá* — мышь-полевка < юж.-бур. *хулгунаа* — мышь (общее название). Кяхт.-русск. *шэбэгэн* означает «ушки ковыля-тырсы», а в бурятском языке, откуда заимствовано данное слово (бур. *шэвээгэнэ*), это слово означает «ковыль-волосатик» (в целом).

Иногда некорректно русские слова используются в местных говорах для конкретизации понятий. Например, в с. Михайловка Закаменского аймака общерусское «коза» употребляется для обозначения понятия «дикая коза» в отличие от домашней козы, которая здесь называется заимствованием из бурятского *яман* + аффикс *-уха*.

Наблюдения показывают, что раньше (вплоть до Великой Отечественной войны) старожильческое русское население Бурятии свободно владело двумя языками — бурятским и родным русским. Часть русского населения, особенно старшее поколение, в обследуемом регионе и сейчас общается с бурятами на их родном языке. Так, в селе Хамней Закаменского аймака информант Ксения Родионовна Викулина (1909 года рождения, русская) свободно переходила с одного языка на другой. С нами она разговаривала по-русски. Но когда к ней зашла соседка-бурятка Бадма Цыбикова (1905 года рождения, местная), Ксения Родионовна разговаривала с Бадмой Цыбиковой по-бурятски.

В дальнейшем, по мере повышения прогрессивной роли русского языка как средства межнационального общения, влияние бурятских диалектов на русские говоры постепенно ослабевает. В настоящее время словарный состав разговорного русского языка почти не пополняется за счет заимствований из бурятских говоров. Часть бурятизмов, бытовавшая ранее в русских говорах, под влиянием русского литературного языка постепенно переходит в пассивный запас их лексики, сохраняясь в основном в речи старшего поколения. Информант из села Арсентьево Селенгинского аймака БурАССР И. Я. Рябов (1888 года рождения, русский) сообщил, например, о подойнике следующее: «Данли баран, кароф — кунуки назывались. Тапери называтца падойник».

Влияние русских говоров на южнобурятские

Значительное и плодотворное воздействие на южнобурятские говоры оказывает русский язык.

До Октябрьской революции говоры цонголов и сартулов заимствовали из местных русских диалектов главным образом

бытовые слова и земледельческие термины.

После Великого Октября коренным образом изменился качественный состав заимствованной русской лексики в южнобурятских говорах. В этот период появляются заимствования, связанные с новым, советским укладом жизни.

По сравнению с дореволюционным периодом в послеоктябрьскую эпоху значительно увеличилось и количество заимствований из русского языка. Это объясняется ростом грамотности и культурного уровня бурят, постоянным повышением их интереса к русскому языку. Через посредство русского языка бурятские говоры, в том числе южнобурятские, осваивают интернациональную лексику, являющуюся важным фактором сближения между собой различных языков и диалектов.

Если до Октября русские слова входили в южнобурятские говоры в основном устным путем, то после революции освоение русизмов происходит также через печать, художественную литературу, школу, радио и телевидение, через русский литературный язык вообще. Поэтому ранние заимствования подверглись сильной модификации и приспособились к фонетическим и морфологическим нормам говоров. Поздние заимствования претерпели гораздо меньше изменений в фонетико-морфологическом отношении, особенно в речи бурятской молодежи.

Следует обратить внимание на то, что степень заимствований в тех или иных разрядах лексики различна. Так, например, в терминологии родства людей, в лексике животноводства, в названиях зверей, птиц (диких), рыб, дикорастущих растений, в лексике о природе вообще, а также в таких лексико-грамматических разрядах, как прилагательные, местоимения, глаголы, встречается очень мало заимствований. В земледельческой же терминологии, в бытовой лексике, особенно в научно-технической и общественно-политической терминологии, пласт заимствованных слов из русского языка занимает большое место. Эти заимствования вызваны жизненной необходимостью пополнения лексического состава бурятских говоров новыми словами, отражающими новый быт, рост промышленности и сельского хозяйства, науки и техники, особенно в послеоктябрьский период.

В южнобурятских говорах встречаются русские заимствования, широко распространенные в других бурятских диалектах (*парты, правительства, социализм, коммунизм, колхоз, совхоз, газезд, телевизэр*) и заимствования, носящие локальный характер (например, кяхт.-цонг. *бүүлвэ* — картофель; *гаразвал* — грабли; *дзэмээ* — изба; сарт. *холцоо* — колесо телеги).

Приведем еще несколько примеров локально распространенных русизмов: юж.-бур. *турваа* — дымоходная труба. Ср. алар.-унг. *үрхэ*, эхирит.-булагат. *сорга*; вост.-бур. *хоолоэ* — то же; юж.-бур. *дүүджэг* — журавль колодца (< русск. дужка). Ср. алар.-унг. *һургуи*, вост.-бур. *сах* — то же; юж.-бур. *чааниг*, *чаэниг* — заварник. Ср. зап.-бур. *сыпаэрниг*, вост.-бур. *дэвэр* — то же; юж.-бур. *биидж(э)* — бич. Ср. зап.-бур. *ута минаа*, вост.-бур. *ута ташуур* — то же.

При заимствовании русские слова приспособляются к нормам бурятского языка. В отличие от русского в бурятском и других монгольских языках, как известно, наличествует гармония гласных. Отсюда при фонетическом освоении русизмов гласные русского языка согласно закону сингармонизма заменяются соответствующими звуками бурятского языка: цонг. *хүрпээ* < русск. крупа, отруби; шилк.-хамн. *үрүүчкэ* < русск. ручка (школьная), *күүрицэ* < русск. курица.

Русские гласные замещаются артикуляционно и акустически близкими звуками бурятского языка. При этом вместо ударных гласных русского языка в бурятском используются долгие гласные, вместо русских безударных — краткие гласные: юж.-бур. *поол* < русск. пол; юж.-бур. *потолоог* < русск. потолок; сарт. *пинаал* < русск. пенал; кяхт.-цонг. *коовиоог* < русск. ковшик.

Ввиду того, что для бурятских диалектов не характерно стечение двух согласных в абсолютном начале и в конце слова, при заимствовании русских слов происходит процесс их фонетической адаптации: 1) путем вставки гласного: а) между начальными и конечными стеченными согласными (юж.-бур. *күрүүжкэ* < русск. кружка, *түрүүбкэ* < русск. трубка, *кормиисол* < русск. коромысло); б) перед начальным и после конечного стечений согласных (сарт. *ошкоол* < русск. школа, *оснооб* < русск. сноп); 2) путем выпадения одного из согласных при их стечении (цонг. *түүлхэ* < русск. втулка).

Процесс морфологического освоения заимствованных слов происходит согласно грамматическим нормам бурятского языка. При этом заимствования лишаются таких формальных грамматических показателей, как число, род, падеж и пр. Эти показатели прототипов в бурятских говорах воспринимаются как неизменяемая, неразложимая основа: цонг. *боровии* — воробей (< русск. мн. ч. воробьи), сел.-цонг. *лаптуу* — лапта (< русск. вин. пад. в лапту) и т. д.

В лексических заимствованиях из русского языка выделяют слова, сохраняющие свое первоначальное значение, и слова,

подвергшиеся семантическим изменениям. При этом слова с измененной семантикой встречаются значительно реже, чем иноязычные слова, не имеющие отклонений в семантике.

В южнобурятских говорах происходит также процесс замены некоторых исконных и заимствованных из восточных языков слов русизмами и интернационализмами, о чем говорят нередко сами осведомители. Например, информант из села Боргой Джидинского аймака рассказывал, что раньше плитку называли *хандза*, а теперь *учааг* («Урдад хандза гэдэг сэн, мүнөө — учааг»). Слово *учааг* заимствовано из русского языка (< русск. очаг) и восходит к тюркским языкам.

Словарный состав южных и других бурятских говоров будет и в дальнейшем все более и более обогащаться за счет заимствований из русского языка. Такая тенденция является прогрессивной и обусловлена объективными причинами. Как и весь Советский Союз, наша республика многонациональная. Кроме бурят и русских, составляющих большинство ее населения, здесь живут аборигены края эвенки, а также татары, чувашаи, украинцы, белорусы, евреи, армяне, грузины, молдаване, цыгане, литовцы, латыши, болгары, поляки, немцы, китайцы, корейцы. Безусловно, они не могут изучить столь много различных языков и общаться на них. Поэтому в нашей республике, как и во всей стране, невозможно обойтись без общего языка межнационального общения и сотрудничества. В качестве такого универсального средства общения и сотрудничества нации и народности нашей страны добровольно избрали русский язык, который «стал могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, средством приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры»¹. Развивающееся у нас двуязычие — одно из важнейших условий сближения языков и культур народов СССР.

Взаимовлияние русских и бурятских говоров является результатом тесного контактирования их носителей, свидетельством дружбы между русским и бурятским народами, особенно укрепившейся в годы Советской власти благодаря претворению в жизнь ленинской национальной политики КПСС в нашей стране.

¹См.: Т. А. Бертагаев. О заимствованных русских словах в бурятском разговорном языке. — «Зап. ГИК», вып. 1. Улан-Удэ, 1935; Д. А. Алексеев. Обогащение словарного состава бурят-монгольского литературного языка за советский период. — «Зап. БМ НИИК», вып. XX.

Улан-Удэ, 1955; Ц. Б. Цыдендамбаев. Влияние русского языка на развитие бурятского. — «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 1. Улан-Удэ, 1959. У.-Ж. Ш. Дондуков. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ, 1974.

²См.: А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 1921.

³См.: В. Д. Кудрявцев. О взаимовлиянии русского и национальных языков народов Сибири. — «Тр. Иркутского ун-та», т. 3, вып. 2, 1948.

⁴Написано на материале, собранном мною в Селенгинском, Кяхтинском, Джидинском и Закаменском аймаках БурАССР во время диалектологической экспедиции в 1976 г.

⁵Цонгольский говор распространен главным образом в Кяхтинском, Селенгинском и частично в Бичурском аймаках, сартульский говор — в Джидинском и частично в Закаменском аймаках нашей республики. К цонгольскому и сартульскому говорам близок хамниганский говор, распространенный в основном в южной части Читинской области.

⁶См.: «История Бурят-Монгольской АССР». Под ред. А. П. Окладникова т. 1. Улан-Удэ, 1951, с. 149.

⁷Так как в русском алфавите нет букв, обозначающих эти заимствованные из бурятского языка гласные звуки, мы пользуемся здесь знаками латинского алфавита.

⁸Данный оттенок мы обозначаем здесь буквой в.

⁹Записано от осведомителя Шаньгина М. И., 1910 года рождения из села Цакир.

¹⁰Вместо этого гласного в русском произносится звук более переднего образования: у или ӣ (по транскрипции Л. В. Щербы) в обозначении современного бурятского гражданского алфавита ү.

¹¹Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». М., Политиздат, 1972, с. 15.